

ГАННИБАЛ

Рамиль Мавлютов

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Рамиль Мавлютов
Ганнибал
Серия «Властелин мира»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8200738
Рамиль Мавлютов. Ганнибал: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07476-0*

Аннотация

История помнит Ганнибала как величайшего карфагенского полководца. Он по праву считается одним из талантливейших полководцев и государственных деятелей древности.

Как гласит предание, перед отправлением в поход отец Ганнибала заставил его поклясться в том, что он всю жизнь будет непримиримым врагом Рима. Ганнибал сдержал свое слово. Так возникло выражение «Ганнибалова клятва». Обладая гибким и крепким телосложением, Ганнибал был быстр в беге, являлся искусным бойцом, прекрасным наездником. Его умеренность в еде и сне, неутомимость в походах, безграничная храбрость всегда подавали пример солдатам. А его самоотверженная забота о них явилась причиной их горячей любви и беспредельной преданности.

Ганнибал обладал редчайшим даром властвовать над людьми. Это проявлялось в безропотном повиновении, в котором ему удавалось держать свои разноплеменные и разноязычные войска. Он был прирожденным властелином...

Ганнибал считается одним из лучших военных стратегов в истории, а также одним из талантливейших полководцев древности. Его имя вписано в историю, так же как имя Александра Македонского, Юлия Цезаря, Сципиона и Пирра Эпирского...

Содержание

Введение	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рамиль Мавлютов

Ганнибал

Введение

Ганнибал – один из самых известных полководцев древности. Будучи великим стратегом, и, несмотря на неудачу в войне с Римом, Ганнибал оставил существенный отпечаток в истории военного искусства. Для стратегии Ганнибала свойственны умение применять гнев италийских союзников Рима для привлечения их на свою сторону, отличная организация долгих походов, образование главных и промежуточных баз по маршруту, перемещения полчищ на завоеванной территории, что страховало стабильность тыла и в течение многих лет сводило к минимуму зависимость армии от самого Карфагена, заранее созданная разведка и кропотливое изучение будущего театра военных действий.

Свойственные черты тактики Ганнибала – это хорошее знание плана действий противника, тщательная подготовка боя, умелое использование местности, применение хитрости и внезапности, осуществление смелого маневра и смелого удара на поле боя. Особенно ярко полководческое искусство Ганнибал проявил в битве при Каннах, открывшей собой новую ступень в развитии тактики: впервые основной удар был нанесен не на одном фланге, как у Эпаминонда и Александра Македонского, а на двух, где были сконцентрированы кавалерия и боеспособная часть пехоты карфагенян, и достигнуто полное окружение и истребление превосходящих сил соперника.

Перед Вами – биография великого человека, оставившего яркий след в истории.

Глава 1

Портрет Ганнибала

Ганнибал (по прозвищу Барка, что значит Молния) был одним из самых знаменитых стратегов в истории человечества. Его существование окутано завесой тайны и не только потому, что родина Ганнибала – Карфагенская держава – провалилась под ударами римского вооружения. Все писатели, когда-либо повествовавшие о Ганнибале, были римлянами или были на римской службе, вследствие чего история этого великого военачальника обратилась в историю недруга.

Его достоверные человеческие качества были удалены со страниц древнейших книг. Древнеримские писатели доносят до нас весьма своеобразное изображение Ганнибала. Тит Ливий описывает Ганнибала отъявленным извергом: «Его бессердечие доходило до жестокости, его предательство превышало даже несчастное пунийское вероломство. Он не ведал ни истины, ни чести, не опасался всевышних, не исполнял клятвы, не почитал святых».

Римские писатели обязаны были признать присутствие у Ганнибала и положительных качеств. Ганнибал перекрывал прозорливостью иных полководцев, он храбро кидался в опасность, но был осторожен в самой опасности. Не было такой работы, от которой он уставал бы телом или падал духом. И зной, и мороз Ганнибал переносил с одинаковым терпением, ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, не владея при этом мягкой постелью и не требуя тишины, чтобы проще уснуть. Часто наблюдали, как он, завернувшись в армейский плащ, спит на голой земле, среди караульных и часовых. Одеждой Ганнибал несколько не различался от сверстников, только по снаряжению да по лошади его возможно узнать. Как в коннице, так и в пехоте он вдалеке оставлял за собой остальных, первым направлялся в битвы, последним покидал поле битвы.

Корнелий Непот уверен, что если бы Ганнибала не ограничивала на родине зависть единоплеменников, он мог бы завоевать власть над Римом. Как видим, все эти, безоговорочно, правильные качества описывают Ганнибала в первую очередь как бойца и неблагонадежного для Рима военачальника, и лишь отчасти – как человека. Но каким же был Ганнибал на самом деле? Составить представление о его характере и человеческих качествах можно, лишь собрав разрозненные эпизодические данные разных древних авторов и проанализировав поступки этого полководца.

Тит Ливий, как и Полибий, называют Ганнибала жестоким: карфагенские войска, якобы, почти полностью истребили жителей целой области – Лациума. Но Ганнибалу не была свойственно болезненное бессердечие его отца, когда-то истребившего взбунтовавшихся наемников. Он, будучи еще ребенком, был очевидцем этой битвы и от этого начал испытывать омерзение к немотивированному убийству. Ганнибала невозможно обвинить ни в расправе над захваченными, ни в казнях обитателей завоеванных городов – в том, что было типично для римских войск. Тит Ливий пишет: «После блестящей победы при Каннах к Ганнибалу привели захваченных – он разделял союзников и отпустил их, напутствуя добродушными словами и без выкупа, как делал это и раньше, – при Требии и Траземенском озере». Позвал он и римлян, чего прежде никогда не бывало, и по-доброму заговорил с ними. Он говорил, что его война с римлянами – не война на уничтожение, а спор о достоинстве и власти. Мы видим Ганнибала, озабоченного подобающим погребением погибших римских военачальников, а после разгрома римлян при Траземенском озере он отдает приказ найти тело Фламиния (римского полководца) для достойного захоронения. Это резко отличается от жестокости римлян, которые, например, подбросили голову Гасдрубала к ногам карфа-

генских караульных. Безусловно, можно предположить, что великодушие Ганнибала было показным, направленным на раскол римско-италийской конфедерации. Но в этом случае стоит признать его талант дипломата: галлы, лигуры, самниты и другие не латинские племена воевали на стороне карфагенян. Ведя лояльную по отношению к местному населению политику, Ганнибал добился того, что жители второго по значению города Италии – Капуи перешли на его сторону. Открыл карфагенянам ворота и Тарент – крупнейший город на юге Аппенинского полуострова.

Вершиной дипломатической деятельности Ганнибала стало заключение в 215 г. до н. э. союзного договора с македонским царем Филиппом V, по которому союзники обязывались вести с Римом совместную борьбу. Римляне знали о дипломатическом таланте своего врага, но называли его хитростью и коварством: «хитростью он завоевал дружбу вождей племен, силой и подкупом заставил их подчиняться своей воле. Римские историки считают Ганнибала корыстолюбивым, однако, в противоположность римлянам, он не собирал побор с богатых италийских городов, таких как Капуя и Тарент, и почти ничего не просил из казны Карфагена. Можно считать, что II Пуническую войну Ганнибал вел почти без всякого содействия правительства Карфагена и не случайно ее называют Ганнибалловой войной. Более того, не получая подкрепления, Ганнибал сам отправлял в Карфаген захваченные в битвах трофеи.

Если судить по отрывочным сведениям римских историков, личная жизнь Ганнибала была простой и уединенной. Он явно не хотел привлекать к себе внимание, и история о том, что он иногда менял свой облик, может быть не более чем логическим объяснением этой его особенности. Его единственными близкими друзьями были два брата и Магон, выступавший от его имени в Карфагене до самого конца войны. Ганнибал не был любителем вина, после триумфальных побед не проявлял бурную радость, а обдумывал дальнейшие планы. В то же время, он был человеком веселым, с иронией относившимся к себе и окружающим. Его детские и юношеские годы прошли в Испании, где в девятилетнем возрасте он стал свидетелем первых приготовлений к большой войне с Римом. Можно предположить, что Испания и иберы – эмоциональные, живые люди, не испытывавшие особого волнения перед богами, сформировали характер Ганнибала. И действительно, Ганнибал никогда, в отличие от Александра Македонского, не окружал себя ореолом божественного происхождения. Но как все его современники, он был человеком религиозным. Много внимания уделял предсказаниям и знамениям. В Новом Карфагене ему приснился сон, где он увидел змея чудовищной величины, который полз за ним, сокрушая на огромном пространстве деревья и кустарники, а за змеем двигалась туча, оглашавшая воздух раскатами грома. На вопрос, что значит это чудовище и все эти явления, он получил ответ, что это – опустошение Италии. Обрадованный видением, Ганнибал тремя колоннами перевел свои войска через реку Ибер для последующего перехода через Альпы.

Для своего времени Ганнибал был человеком всесторонне образованным. В Испании он изучал географию по сочинениям Эратосфена из Кирены, а ночами слушал рассказы возвратившихся из плавания капитанов. Для изучения медицины Ганнибал пригласил врача Сингала из Александрии. Он серьезно занимался историей соседних народов, особенно римлян, о которых тогда было еще мало известно.

Корнелий Непот утверждает, что Ганнибал оставил после себя несколько сочинений на греческом языке, в том числе книги о деяниях Манлия Вольсона в Азии. Любознательность Ганнибала кажется безмерной, его интересовало практически все – обычаи в других землях, способы выплавки металлов, уборки урожая и время сельскохозяйственных работ. Ганнибал знал, какие природные ресурсы («стратегические материалы») находятся в распоряжении врага, и как помешать недругу воспользоваться ими. Все это позволяло Ганнибалу действовать очень осмотрительно и благоразумно. Эти качества Ганнибала отмечает и Поли-

бий: Ганнибал «провел столько времени в неприятельской стране, так часто подвергался всевозможным случайностям, столько раз в небольших сражениях решал участь врага своей проницательностью и, однако, уцелел в многочисленных решительных битвах. С большой заботливостью охранял он себя от напрасной беды».

Так и должно быть, – считает Полибий, – когда военачальник жив и невредим, хотя главная битва и была проиграна, судьба может предоставить еще множество случаев возместить понесенные потери. Напротив, в случае гибели вождя войско уподобляется кораблю, потерявшему кормчего; если бы даже судьба и даровала победу над неприятелем, пользы от этого не было бы никакой. По типу темперамента Ганнибала можно отнести к флегматикам – к людям невозмутимым, слабо выражавшим свое душевное состояние, с устойчивым стремлением и настроением, с постоянными и глубокими чувствами.

До конца жизни Ганнибал пронес ненависть к римлянам. В 183 г. до н. э., чтобы не попасть к ним в плен, он покончил с собой, приняв яд. В его последних словах слышится сарказм сильного, но уставшего человека, разочаровавшегося в близких: «Пора положить конец нервному напряжению римлян, которые устали ждать смерти ненавистного им старика».

Глава 2

Детство и юность

Ганнибал появился на свет в 247 году до н. э. в Карфагене в семье военачальника Гамилькара Барка. Имя его мамы неизвестно. Он был первым отпрыском в семье, позже появились еще два мальчика (Гасдрубал и Магон). У Ганнибала было еще три взрослые сестры, но их имен мы не знаем. В 247 году до н. э. Гамилькар был послан карфагенским сенатом на Сицилию биться с римлянами, следственно маленький Ганнибал редко виделся с отцом. Гамилькар возлагал огромные надежды на отпрысков. По рассказу Валерия Максима, однажды он, наблюдая за увлеченно забавлявшимися сыновьями, воскликнул: «Вот львята, каких я ращу на гибель Риму!».

В возрасте 9 лет папа взял Ганнибала с собой в Испанию, где собирался возместить своему городу утраты, понесенные в течение Первой Пунической войны. Точно неизвестно, пошел ли Гамилькар в Испанию по своей инициативе или был выслан карфагенским правительством. Накануне кампании Гамилькар преподносил жертвы всевышним, а позже жертвоприношения он кликнул к себе Ганнибала и задал вопрос, желает ли он пуститься в путь с ним. Когда мальчик с радостью дал согласие, Гамилькар заставил его поклясться перед алтарем, что он всю свою жизнь будет непримиримым врагом для Рима. По словам Полибия и многих остальных писателей, Ганнибал лично рассказал сирийскому царю Антиоху III эту ситуацию. Фраза «Ганнибалова клятва» стала крылатой.

Прибыв в Гадес, карфагенскую колонию в Испании (Иберии), Гамилькар приступил к захватническим кампаниям. Его миссией стало «поправить в Иберии положение Карфагена».

Со временем Ганнибал стал принимать участие в кампаниях отца, где приобрел необходимый военный навык. Первым делом Гамилькар отвоевал золотые и серебряные рудники съерры Морена и возродил чеканку серебряной монеты, необходимой для выплаты Риму. Около 230 года до н. э. Гамилькар создал новый город Акра Левка для формирования надежного тыла и усиления карфагенского могущества.

Зимой 229/228 годов до н. э. Гамилькар погиб в поединке с племенем оретанов. К моменту гибели Гамилькара Ганнибалу исполнилось 17 лет. После смерти отца он вместе с братьями оставил Испанию и возвратился в Карфаген. Атмосфера военного лагеря, участие в походах, наблюдения за дипломатической деятельностью отца и зятя, бесспорно, оказали решающее влияние на формирование личности Ганнибала как военачальника и государственного деятеля. Армейские качества Ганнибала, – смелость, осторожность, выдержка, неугомонность, простота – все они сформировались, безусловно, под личным влиянием Гамилькара. Он не только стремился приучать собственных детей, прежде всего, Ганнибала, к активной общественно-политической работе в будущем. Он стремился подчеркнуть свое стремление ввести Карфаген в греческий мир – и гарантировать ему подмогу и отзывчивость греков в грядущей войне с римскими «варварами».

Едва весть о смерти Гамилькара донеслась до Акра Левке, верховное руководство пунийскими войсками взял на себя его зять Гасдрубал – на тот момент капитан одного из кораблей, долгое время бывший его «правой рукой». Гасдрубал продолжил завоевание Иберии, и Ганнибал был руководителем конницы под его командованием. Гасдрубал сотворил город Новый Карфаген, тот, что стал столицей карфагенской Иберии.

В 223 году до н. э. в городе Сагунт возникло восстание, и его власть устремились за поддержкой в Рим. Римские войска навели в городе порядок, изгнав сторонников Карфагена. Таким образом, Сагунт стал римским протекторатом. В начале 221 года до н. э. Гасдрубал

был убит собственным слугой, мстившим за своего бывшего хозяина, убитого по приказу Гасдрубала.

После смерти Гасдрубала воины выбрали новым вождем Ганнибала. Этот выбор был утвержден карфагенским общенародным собранием.

В исторических документах не сохранилось сведений о причине, заставившей Ганнибала оставить Испанию. Не исключается, что Гасдрубал оказывал заботу о братьях собственной жены. Допустимо также, что он хотел, хотя бы на короткое время, защититься от коварного и неискоренимого соперника на власть. Как бы то ни было, ближайшие 5 лет Ганнибал скоротал в Карфагене, видимо, внимательно присматриваясь к общественно-политической жизни на родине.

В течение двух лет (221–220 гг. до н. э.) Ганнибал расширял карфагенские земли на северо-западе Пиренейского полуострова. В 221 году до н. э. он провернул кампанию против племени олькадов и схватил набегом их столицу – Альталию у Полибия, Карталу у Тита Ливия. После зимовки в Новом Карфагене Ганнибал продвинулся еще дальше, захватил ваккеев и осадил город Германдика. На обратном пути на него совершили нападение ваккеи и взбунтовавшиеся олькады. Ганнибал смог убежать от них, а после этого нанес им разгром, когда олькады и ваккеи переправлялись через речку Таг. Вся территория к югу от Ибера стала под карфагенским господством. В том же году Ганнибал обвенчался на иберийке из Кастуллона по имени Имилька.

Обеспокоенные карфагенской экспансией и провокациями соседских иберийских племен жители Сагунта направили послов в Рим. Из Рима было выслано представительство к Ганнибалу. Римские послы потребовали избежать враждебных действий по отношению к Сагунту. Ганнибал принял послов очень быстро, заявив, что «карфагеняне сохраняют положение охранять всех угнетенных». Не добившись ответа от Ганнибала, послы устремились в Карфаген. Ганнибал старался разыграть разлад мира со стороны испанской колонии Сагунта. Впрочем, уже в 224 году Ганнибал вернулся в Испанию и здесь стал проходить армейскую службу под руководством зятя, командуя всадниками. Между тем Гасдрубал собрал в Акра Левке значительные силы – 200 слонов, 50 000 опытных пехотинцев и 6000 всадников. Направив их, прежде всего, против ориссов, он разгромил, перебил всех, кто был повинен в поражении и смерти Гамилькара. Гасдрубал подчинил себе 12 орисских населенных пунктов, а еще остальные города Испании.

Глава 3

Война в Испании

В Испании борьба была более упорной. Она велась с переменным успехом, причиной чему было своеобразие характера страны и нравов населения. Крестьян-пастухов, которые жили в живописной долине Эбро и в роскошной плодородной Андалузии, а также между Эбро и Андалузией на суровом плоскогорье, перерезанном многочисленными лесистыми горами, было нелегко собрать для службы в земском ополчении.

Таких же трудов стоило и объединить города для какого-либо решительного и общего выступления, хотя каждый из них в отдельности упорно защищался за своими стенами против всякого нападения. Все они, по-видимому, не различали между собой римлян и карфагенян. Туземцам было все равно, кто завладел большей или меньшей частью полуострова – те ли непрошенные гости, которые засели в долине Эбро, или те, которые засели на берегах Гвадалквивира.

Поэтому в этой войне не проявлялась столь характерная для испанцев ярая приверженность к какой-нибудь партии; только Сагунт со стороны римлян и Астапа со стороны карфагенян явились в этом отношении исключением. А так как ни римляне, ни африканцы не привели с собой войск в достаточном числе, то военные действия по необходимости превратились с обеих сторон в наем сторонников, успех которого зависел не столько от умения внушить действительную преданность, сколько от страха, от денег и от разных случайностей. Когда казалось, что война начинает близиться к концу, она обыкновенно превращалась в бесконечный ряд осад и партизанских стычек, с тем чтобы скоро снова вспыхнуть из-под пепла. Армии появлялись и исчезали подобно дюнам на берегу моря; там, где вчера была гора, сегодня не осталось от нее и следа. В итоге перевес был на стороне римлян частично оттого, что они появились в Испании в качестве освободителей страны от ига финикийцев, частично оттого, что им повезло в выборе своих вождей и что они привели с собой более многочисленные отряды надежных солдат.

Оба римских наместника на полуострове – Гней и Публий Сципионы – были хорошими полководцами и превосходными руководителями, и задачу свою они выполнили с блестящим успехом. Не только пиренейские проходы постоянно находились во власти римлян, и была с большими потерями отражена попытка восстановить прерванное сухопутное сообщение между неприятельским главнокомандующим и его главной квартирой, не только в Тарраконе был создан по образцу Нового Карфагена Новый Рим благодаря сооружению обширных укреплений и устройству гавани, но и в Андалузии римская армия сражалась с успехом еще в 215 г. до н. э. В следующем (214) году туда был предпринят новый поход, который оказался еще более удачным; римляне проникли почти до Геркулесовых столбов, расширили в южной Испании свой протекторат и, наконец, снова захватив и восстановив Сагунт, приобрели важный пост на линии между Эбро и Картагенной, уплатив вместе с тем по мере возможности старый национальный долг.

Вытеснив таким образом карфагенян из Испании, Сципионы сумели даже в самой Африке создать опасного для карфагенян врага в лице владевшего сегодняшними провинциями Ораном и Алжиром могущественного западноафриканского принца Сифакса, который вступил (около 213 г. до н. э.) в союз с римлянами. Если бы римляне были в состоянии прислать ему на помощь армию, они могли бы надеяться на значительный успех; но именно в то время в Италии не было ни одного лишнего солдата, а испанская армия была слишком немногочисленна, чтобы дробиться. Однако и собственные войска Сифакса, обученные и руководимые римскими офицерами, подняли среди ливийских подданных Карфа-

гена настолько серьезное брожение, что заменявший главнокомандующего в Испании и в Африке Гасдрубал Барка сам отправился в Африку с отборными испанскими войсками. Он, по всей вероятности, и был виновником того, что дела приняли там другое направление; владевший сегодняшней провинцией Константиной царь Гала, издавна соперничавший с Сифаксом, принял сторону Сифакса и принудил заключить мир. Впрочем, об этой войне в Ливии до нас не дошло почти никаких сведений, кроме рассказа о жестоком мщении, которому Карфаген по своему обыкновению подвергнул мятежников после одержанной Массиниссой победы. Такой оборот дела в Африке оказался чреватым последствиями и для испанской войны. Гасдрубал снова мог возвратиться в Испанию (211 г. до н. э.), куда вскоре вслед за ним прибыли значительные подкрепления и сам Массинисса.

Сципионы, которые в отсутствие вражеского главнокомандующего (213, 212 г. до н. э.) не перестали собирать в карфагенских владениях добычу и набирать там приверженцев, оказались неожиданно под угрозой нападения со стороны такой многочисленной неприятельской армии, что были вынуждены сделать выбор между отступлением за Эбро и обращением за помощью к испанцам. Они предпочли последнее и наняли 20 тысяч кельтиберов; затем, чтобы было удобнее сражаться с тремя неприятельскими армиями, находившимися под начальством Гасдрубала Барки, Гасдрубала, сына Гисгона, и Магона, они разделили свои римские войска. Этим они подготовили свою гибель. В то время как Гней стоял лагерем против Гасдрубала Барки с армией, в состав которой входили все испанские войска, и в которой римские войска составляли только треть, Гасдрубалу без большого труда удалось склонить последних к отступлению за установленное денежное вознаграждение, что по понятиям их наемной морали, быть может, и не считалось изменой, так как они не перешли на сторону противника тех, кто их нанял. Римскому главнокомандующему не оставалось ничего другого, как начать поспешное отступление, во время которого неприятель следовал за ним по пятам. Тем временем две другие финикийские армии, находившиеся под начальством Гасдрубала, сына Гисгона, и Магона, стремительно напали на второй римский корпус, находившийся под начальством Публия и доставили карфагенянам решительный перевес. Римский лагерь был уже почти окружен, а с приходом уже бывших недалеко расположенных испанских вспомогательных войск римлянам были бы заперты все выходы. Смелая попытка консула двинуться с его лучшими войсками навстречу испанцам, прежде чем они заполнили своим прибытием пробел в блокаде, окончилась неудачей. Перевес был сначала на стороне римлян, но высланная вслед за ними нумидийская конница скоро настигла их, и не только помешала им воспользоваться уже наполовину одержанной победой, но и задержала их отступление до прибытия финикийской пехоты; а когда главнокомандующий был убит, эта проигранная битва превратилась в поражение. После того как с Публием было покончено, все три карфагенские армии внезапно напали на Гнея, который медленно отступал, с трудом обороняясь от одной из них, а нумидийская конница отрезала ему путь к отступлению. Римский корпус был загнан на открытый холм, где даже нельзя было разбить лагерь, и был частью изрублен, частью взят в плен; о самом главнокомандующем никогда не могли узнать ничего достоверного. Только небольшой отряд успел переправиться на другой берег Эбро благодаря отличному офицеру из школы Гнея Гаю Марцию; туда же удалось легату Титу Фонтю в целостности перевести часть публиева корпуса, остававшуюся в лагере, и даже большая часть разбросанных по южной Испании римских гарнизонов успела перебраться туда же.

Финикийцы стали бесспорно владычествовать во всей Испании вплоть до Эбро, и, казалось, уже недалеко была та минута, когда они перейдут на другую сторону этой реки, очистят от римлян Пиренеи и восстановят сообщение с Италией. Крайняя опасность, в которой находился тогда римский лагерь, заставила армию возложить главное командование на того, кто был самым способным. Обойдя более старых и не лишенных дарований офице-

ров, солдаты избрали начальником армии упомянутого выше Гая Марция, и его умелое руководство и, быть может, легкая взаимная зависть и раздоры трех карфагенских полководцев отняли у этих последних возможность воспользоваться плодами их крупной победы. Перешедшие через реку карфагенские войска были отброшены назад, и римляне удержались на линии Эбро до прибытия новой армии и нового главнокомандующего.

К счастью, благодаря новому направлению, которое приняли военные действия в Италии, где только что пала Капуя, римское правительство оказалось в состоянии прислать в Испанию легион из 12 тысяч человек под начальством пропретора Гая Клавдия Нерона, восстановивший там равновесие между боевыми силами противников. Экспедиция, которая была предпринята в следующем (210) году до н. э. в Андалузию, была очень успешна; Гасдрубал Барка был окружен со всех сторон и избежал капитуляции только при помощи неблагоприятной хитрости и явного нарушения данного слова. Однако Нерон не был таким главнокомандующим, какой был нужен для войны в Испании. Это был способный офицер, но крутой, вспыльчивый и не пользующийся популярностью человек, не умевший ни возобновлять старинные связи с туземцами или заводить новые, ни извлекать выгоды из несправедливости и высокомерия, с которыми пунийцы третировали после Сципионов и друзей и недругов в дальней Испании, возбуждая всеобщую к себе ненависть. Римский сенат правильно оценивал и важность и своеобразные условия испанской войны, а от захваченных римским флотом и привезенных в Рим жителей Утики он узнал, что Карфаген напрягает все свои усилия, чтобы отправить Гасдрубала и Массиниссу с сильной армией за Пиренеи; поэтому было решено отправить в Испанию новые подкрепления и еще одного главнокомандующего более высокого ранга, избрание которого было решено предоставить народу.

Глава 4

Главнокомандующий в Испании

Первые шаги Ганнибала продемонстрировали, что его сторонники не обманулись в своих ожиданиях.

Когда Ганнибал стал властвовать, ему было 25–26 лет. Власть карфагенян в Испании была уже крепко определена благодаря настойчивой и последовательной политике Гамилькара Барки и Гасдрубала, и южная часть Пиренейского полуострова представлялась более или менее верным участком для похода на Рим. Сам Ганнибал обзавелся уже обычными для Баркидов крепкими отношениями с иберийским миром: он был женат на иберийке из соседнего к Карфагену города Кастулоне.

Со свойственным ему юношеским максимализмом новый пунийский главнокомандующий повел себя так, будто война с Римом уже закончена и поручена ему, а областью его работы назначена Италия. Он и не прятал своего желания напасть на причастный к римлянам Сагунт и тем самым внести в Рим настоящий раздор, однако стремился он при этом сделать вид, будто атака на Сагунт совершится сама собой, в результате естественного развития событий. Именно поэтому, он прежде всего обратил натиск против олкадов, жительствовавших к югу от Ибера, среди рек Таг и Анас, на территории, что принадлежала карфагенянам.

Ганнибал быстро вторгся в страну олкадов, осадил их столицу и взял ее штурмом. Фурор карфагенян принудил и другие города олкадов принять господство Карфагена; безусловно, что на них был положен налог. Обобрав побежденных и захватив небедную добычу, Ганнибал возвратился на зимовку в Новый Карфаген; там он великодушно разделил награбленное между воинами и дал жалование, чем еще больше увеличил расположение к себе – и служивших в войсках карфагенских граждан, и наемных воинов.

Весной 220 года Ганнибал направился в поход на ваккеев, занимавших среднее течение реки Дурис, и, преодолев упорное противодействие, захватил в их районе важнейшие города – Саламантику (Полибий – Гелмантику; Ливий – Германдику) и Арбокалу.

На обратном пути через Южную Гвадарраму в Новый Карфаген торжествующий командующий столкнулся еще с одним врагом – карпетанами, каких заставили взяться за оружие уцелевшие после разгрома олкады и ваккеи – беглецы из Саламантики.

Враги ждали Ганнибала у переправы через Таг, но Ганнибал увернулся от решительной схватки. Разместив свой лагерь на берегу, он в первый же удобный момент, когда напор карпетан ослаб, вброд преодолел реку. Теперь между ним и его врагом был сильный естественный рубеж и вал, построенный, однако, так, что он открывал карпетанам доступ к реке. Ганнибал надеялся, что они предпримут попытку гнать отходящие карфагенские войска, и тут его слоны и наездники повстречают карпетанскую пехоту в реке.

Враг попался в ловушку, ложно надеясь на собственное численное преимущество. Совместно с олкадами и ваккеями дружина карпетан достигла численности 100000 человек. Будучи убежденными, что Ганнибал не принял битвы из ужаса перед допустимым проигрышем, карпетаны с пронзительным криком, не соблюдая даже простого порядка, кинулись в реку. Исполняя свой план, Ганнибал ввел в Таг слонов, каких было у него их 40, и конницу. Во время боя карпетанские воины не оказали какое-нибудь серьезное и организованное противодействия. С трудом нащупывая брод, свергаемые лошадьми, они были слабы перед наездниками и погонщиками слонов. Множество карпетанских пехотинцев были убиты в неравном бою, некоторые утонули. Последние ряды карпетан повернули на берег, но прежде чем они сумели занять оборонительную позицию, Ганнибал, выстроив свою пехоту в каре, ввел ее в реку и, достигнув противоположного берега, устремил остатки карпетанских войск

в паническое бегство. Пройдясь огнем и мечом по Карпетании, Ганнибал подчинил власть Карфагену.

Победа у Тага заключала только политическое значение. Теперь под властью Ганнибала попала вся площадь Пиренейского полуострова к югу от Ибера, за исключением Сагунта.

Пока непосредственной целью политики Ганнибала на Пиренейском полуострове стал захват Сагунта – древней колонии Закинфа, в основе которой приняли участие и выходцы из ругульской Ардеи, впрочем в III в. уже иберийского города. Не роскошь привлекала Ганнибала, когда он предпринимал свои военные действия против этого города: лишь завладев Сагунтом, он имел возможность переместиться на север. Но если прежде Ганнибал не задевал римских интересов, действуя сурово в рамках обязанностей, установленных Гасдрубалом, то сейчас осуществление его замыслов грозило привести к столкновению с Римом, тем более, что Сагунт уже совмещал к тому времени статус римского союзника и его надежность была в какой-то форме обещана еще Гасдрубалом. Однако Ганнибал мог надеяться на то, что Рим, руки которого были скованы долгой и нелегкой войной с галлами на севере Италии, а еще с иллирийскими пиратами на Балканском полуострове, не станет результативно вмешаться в испанские дела, и, как оказалось далее, этот расчет оправдался.

Благоприятное для Ганнибала общественно-политическое состояние создавали «партийные» единоборства в Сагунте. Ганнибал приведет римскую власть к необходимости огласить Карфагену войну, – собственно к этому Ганнибал и стремился. Следует только поторопиться, чтобы на поддержку Сагунту не пришли римские легионы, чтобы они не навязали Ганнибалу войну в Испании, не воспрепятствовали ему увеличить пунийские владения на Пиренейском полуострове и двинуться на покорение Италии.

Между тем, пока Ганнибал готовил набег на Сагунт, сагунтинцы развернули активную дипломатическую деятельность, чтобы побудить Рим влезть в испанские дела. Сенат решил выслать в Испанию послов, какие должны были исследовать на месте расположение дел и, если посчитают нужным, потребовать от Ганнибала покинуть Сагунт, сторонника римского народа, а после двинуться в Карфаген и там высказать претензии сагунтинцев. Прежде, чем послы пустились в путь, до Рима дошла новость об осаде Сагунта, и в сенате уготовили новое обсуждение сагунтинских дел.

Пока римский сенат обговаривал положение в Испании, Ганнибал инициировал осаду Сагунта (219 г.). Завладеть городом ему посчастливилось исключительно вследствие большого превосходства в живой силе и фактическому невмешательству римлян. Все началось с того, что Ганнибал крайне неудачно выбрал место для разрушения городской стены – как раз у того ее угла, который выходил на более ровную и открытую равнину, чем другие площади.

Здесь очень легко подвести виней и тараны. Впрочем, он не учел, что конкретно здесь была большая вышка, конкретно тут стена была выше, чем в иных местах; само собой разумеется, что и охрана этого места была возложена на «избранную молодежь» – самому верному и боеспособному отряду сагунтинских воинов. Непрерывной перестрелкой из луков они держали карфагенян на почтительном расстоянии от стен, не давали им подвести орудия и начать осадные действия. Непрестанно делая вылазки, сагунтинцы наносили карфагенянам существенный ущерб; сам Ганнибал, принимавший в битвах активное участие, был тяжело ранен дротиком в бедро и упал, что возбудило настоящую панику среди осаждавших.

Пока Ганнибал лечил рану, карфагеняне не вели активных боевых действий, ограничиваясь исключительно блокадой города; но они усиленно строили осадные сооружения, а сагунтинцы – укрепления. Видимо, в этот период Ганнибал пересмотрел принятый им ранее план, который не только не приводил к желательному результату, но давал инициативу в руки противника. Он решил начать разрушение стены в нескольких пунктах одновременно, что давало возможность использовать и технику, и численное превосходство. Тараны зара-

ботали. В стенах стали появляться проломы. И вдруг со страшным грохотом обрушились три башни и часть стены между ними. Завязалось сражение, не беспорядочное, как это бывает в подобных случаях, но, подчеркивает Ливий, по всем правилам военного искусства. Воины – и сагунтинцы и карфагеняне – выстроились в боевой порядок; пунийцы не сумели преодолеть сопротивления горожан и вынуждены были отступить. Сагунтинцы оттеснили их сначала к развалинам стен, а затем заставили бежать к лагерю. Именно в этот момент, когда новое поражение поставило, казалось бы, под угрозу главный замысел Ганнибала – захват Сагунта и, следовательно, войну с Римом, прибыло римское посольство.

Риму грозила тяжелая война в Иллирии; эта угроза вдруг резко нависла над римлянами, и пока они не зафиксировали своего владычества там, они не могли думать о усердной и длительной войне вопреки воле Карфагена. Сложно поверить Полибию и в том, что сенат начал рассматривать дело только после падения Сагунта. Ведь речь шла об экспансии Рима, о расширении сферы его владычества, а в этом были заинтересованы авторитетные круги римского социума, чьи интересы и описывала группировка Эмилиев – Сципионов.

Ганнибал, разведав о прибытии римского представительства, отважился на решительный шаг: он категорически отказался принять Флакка и Тамфила; по его постановлению послов уведомили, что их защищенность гарантирована быть не может, а сам военачальник в столь критической обстановке не имеет возможности их выслушивать. Это рассчитанное оскорбление должно было принудить римлян выставить неприемлемые требования и повергнуть к срыву переговоров. Соображая, что теперь послы пустятся в Карфаген, Ганнибал, в свою очередь, устремился с посланиями к начальникам баркидской группы, чтобы они имели возможность заблаговременно подготовиться.

В общем, поездка в Карфаген не принесла успеха римлянам. Карфагеняне осуждали Сагунт в незаконных деяниях против их подданных и свой последний ответ определили дальнейшим образом: «Война возбуждена сагунтинцами, а не Ганнибалом; римский народ поступил бы неправильно, если бы выбрал сагунтинцев древнейшему союзу с Карфагеном». С этим римские послы вернулись на родину.

Оказывая сопротивление Ганнибалу, сагунтинцы, конечно, рассчитывали на вмешательство римлян, однако положение с каждым днем становилось все более отчаянным, а римские солдаты у стен Сагунта по-прежнему не появлялись. Помощи ждать было неоткуда, и один из влиятельных сагунтинцев, Алкон, решил на последнее средство. По собственной инициативе и даже без ведома граждан он явился к Ганнибалу, надеясь вымолить у него пощаду к несчастному городу. Однако условия сдачи, которые объявил ему уверенный в победе карфагенский стратег, были таковы, что Алкон даже не посмел сообщить о них сагунтинцам и остался в лагере врага. Ганнибал потребовал, чтобы сагунтинцы удовлетворили все требования турдулов и, отдав им все золото и серебро, покинули город, взяв с собой лишь по одной одежде на человека, и поселились там, где укажет им победитель.

А пунийцы тем временем прорвали укрепления и, наконец, полностью овладели городом. Ганнибал приказал убивать всех взрослых горожан, оказывавших еще беспорядочное сопротивление на улицах и в горящих домах, но победители не щадили и малолетних. Сагунт был уничтожен. По рассказу Аппиана, сагунтинские воины погибли во время ночной вылазки на пунийский лагерь после того, как они привели в негодность драгоценный металл. Разгневанный Ганнибал приказал уничтожить все население города, а затем заселил его пунийскими колонистами. Вероятно, только сообщение о создании пунийской колонии у Аппиана в какой-то степени соответствует действительности; все же остальное плохо сходится с тем, что известно об осаде Сагунта.

Итак, главная цель Ганнибала на этом этапе была достигнута: Сагунт пал и перед его войсками открывался беспрепятственный путь на север, в Италию. Однако для нового пред-

приятя необходима была совершенно иная подготовка, и для этой цели Ганнибал решил использовать зимовку в Новом Карфагене.

Глава 5 От Испании до Италии

Зимой (219–218 гг.) Ганнибал создавал в Новом Карфагене снаряжения к походу в Италию и началу войны. Он собирался напасть на римлян не с моря, не в Сицилии, не в южной Италии, а в стране реки По, веря, что кельты, занимающие ее, подключатся к нему. Послы и шпионы Ганнибала направились в страну галлов с двух сторон Альп, изучили пути, прознали настроение живущих под горами племен, заключили контракты. Бойи и инсубры обязались дать хороших вожаков, уговорить своих товарищей, чтобы они благосклонно приняли карфагенское войско и давали ему пищу, съедобные запасы, прибавили к нему своих воинов. На охрану родины Ганнибал послал в Африку испанские войска, какие обязаны были служить и заложниками верности своих соотечественников; а большинство воинов составляли ливофиникийцы. Все затраты на войну, вознаграждение и содержание войска он взял на себя, дабы не вызвать гнев в карфагенском правительстве требованием денег. Ганнибал просил лишь, чтоб оно отплатило крейсировать у западного берега Италии флот, который поддерживал бы работающее в Италии войско высадками и опустошением побережья. На первое время Ганнибал имел достаточно резервов и средств, а последующие свои затраты он надеялся закрывать добычей, какую будет покупать в Италии. Его предшественники и сам он пользовался этим методом в войну в Испании на финансы, собираемые во вражеской земле. Чтобы войско охотнее шло за ним, Ганнибал накануне похода пустил своих испанских воинов побывать дома, и приобрел их любовь, выказав такое доверие к ним; старание африканских воинов он увеличил обещанием наградить их правом карфагенских граждан, когда, поборовши врага, вернется с ними на родину. Он посетил Гадес, в храм Геракла тирского просил милость национального бога, по стопам которого жаждал вести свою армию.

Ганнибал не обманулся в расчете. Когда в первых числах весны армия собралась в наступление, она была проникнута бойким настроением. Он произнес бойцам пламенную речь, в которой рисовал обиды, нанесенные Карфагену римлянами, требовавшими от правительства выдачи его и военачальников, составлявших его совет; твердил, что римляне желают оскорбить, завоевать Карфаген; обрисовал плодородность, обилие страны, в какую поведет он своих бойцов, утверждал, что галлы встретят их благосклонно, станут их союзниками. Воины воодушевились и с нетерпением ждали отправки на войну.

В начале весны 218 г. до Р. Х. Ганнибал направился из Картагены к Эбро с войском, состоявшим из 90.000 человек пехоты, 12.000 конницы; при нем также было 37 военных слонов.

Он переходил Эбро, не наткнувшись на противодействия. Города и племена между Эбро и Пиренеями категорически отказались повиноваться, веря в римскую помощь. Ганнибал начал завоевывать их. Аналогично сагунтянам, они отважно защищались и точно также были оставлены римлянами без поддержки; Ганнибал победил их. Римляне не ожидали, что он выиграт войну так быстро; занимающиеся иными разбирательствами, они оставили Испанию без внимания и были застигнуты кампанией Ганнибала врасплох. Это убило их испанских сторонников. Завоевав землю между Эбро и Пиренеями, Ганнибал переступил эту возвышенность, не натыкаясь на большие сложности. Испанские бойцы, каких он отпускал навестить дом, родных и близких, оправдали его веру, вернулись к нему; а то, что он не засомневался в их преданности, произвело хорошее впечатление на жителей и заработало ему авторитет. Ганнибал хотел, чтобы испанцы были расположены к нему, с охотой шли к нему на службу. Часть армии он оставил для охраны новопокоренной земли и переходов через Пиренеи. Брат его Газдрубал держал в подчинении южную часть Испании, вла-

дея иной многочисленной армией. Оставив много бойцов на юге, потеряв много людей в жестоких битвах между Эбро и Пиренеями, оставив и там часть войска, Ганнибал перешел хребет, имея уже только 50,000 человек пехоты, 9,000 конницы и 37 слонов. Но воины, каких он перевел через Пиренеи, были старые, искусные в бою, привычные терпеть сложности походов, одержавшие под его начальством множество побед, и упоенно преданные ему. Так завязалась сама знаменитая в летописи Рима война с Ганнибалом.

Ганнибал шел за Пиренеями по морю, по большой военной дороге, какая расположена через Нарбон и Немавс (Ним) к Роне; он не сталкивался с противодействиями: многие из местных племен уже прежде заключили договор с ним; остальных он склонил на свою сторону деньгами или запугиванием. Только уж при переправе через Рону случилось ему сразиться. Консул Публий Корнелий Сципион, считавший сначала, что Ганнибал войдет в Италию морем, поплыл навстречу ему по лигурийскому берегу; но, получив вест, что Ганнибал идет сухим путем, высадился в Массалии – городе, союзном с Римом. Он хотел при содействии кельтских наемников, находившихся в службе у массалийцев, остановить Ганнибала на Роне. Если бы ему это удалось, завязавшаяся война с Ганнибалом, видимо, обрела бы иной поворот. Но раньше, чем римская пехота приготовилась к битве, Ганнибал уже подошел к западному берегу реки; на другом берегу собрались галлы; Ганнибал, благодаря собственной сообразительности, успел преодолеть Рону: он выкупил все лодки у береговых обитателей, повелел воинам рубить лес и сооружать плоты; а когда все было сделано, он направил ночью Ганнона, сына Бомилькара, с отрядом армии и с отличными вожаками вверх по реке до территории, где был полуостров, упрощавший переправу. Бомилькар переплыл там реку на мехах и плотках, и иным берегом пошел книзу, подошел к месту, где стояли галлы, и отдал Ганнибалу знак огнем. Ганнибал велел войску начинать переправу через Рону. Галлы с диким криком бросились к берегу отражать карфагенян и вдруг увидели, что стан их горит. Ганнибал и Ганнон напали на них с двух сторон; в смятении не имели возможность они не воспрепятствовать переправе, ни повредить нападению с тыла и после недолгого противодействия разбежались. Многие из них примчались в Массалию. Консул, присутствовавший в этом городе, не желал верить доставленному объявлению; но группа римской конницы, посланная на рекогносцировку, вернулся после сильной битвы с нумидийской конницей Ганнибала и удостоверил честность их слов. Сципион торопливо пошел со всей своей армией к месту переправы; но, пришедши туда, узнал, что уже три дня тому назад покинул реку и последний отряд конницы, занимавшийся переправой слонов. Консулу оставалось только возвратиться в Массалию и звать трусами карфагенян, отклонившихся от схватки. Забрав с собой часть войска, он отправился из Массалии в Италию, а его брат, Гней Сципион, с основными бойцами поплыл в Испанию, чтобы отбить ее у Газдрубала.

Война с Ганнибалом становилась все коварнее для Рима. Перешедши Рону, Ганнибал устроил смотр войску и раскрыл ему свой замысел. Мысли о грядущих опасностях, о сложностях операции, о схватках с римлянами могли страшить воинов, но боязливость их пропала, когда приведенный к ним Ганнибалом галльский князь Магил обещал им через переводчиков, что проведет их на войну через горы короткими, неопасными путями, хвалил им красу и плодородность Италии, уверял их, что его товарищи, живущие в равнине Пада (реки По), очень хотят бороться совместно с ними и Ганнибалом против римлян. После начал высказываться Ганнибал; припомнил бойцам доблестные их подвиги, разъяснил им беспорность успеха в войне, богатство ждущей их добычи, закончил речь словами, что они обязаны показать себя отважными людьми, достойными своей славы, – и воины позабыли любой страх: раздался восхищенный вопль, доказывавший, что они прониклись азартом, и пойдут с доверием и преданностью за своим великим вождем. Взяв резервы продовольствия, Ганнибал пошел восточным берегом Роны на север, в богатую землю аллоброгов, которая именовалась «островом», потому что с севера и запада рубеж ее образовала Рона, с юга – Изера,

а с востока – стена скалистого хребта. У аллоброгов 2 брата препирались из-за королевской власти: решение было предоставлено Ганнибалу; он высказался в пользу старшего брата, привлечшего на свою сторону множество людей, и заставил младшего повиноваться своему вердикту. Старший брат в признательность за эту услугу пополнил резервы продовольствия карфагенян, дал им одежду, снаряжение, обувь и сопровождал их по пути до подошвы Альп, каких достигли они на шестнадцатый день после переправы через Рону, впрочем, для его дружины, доходившей и после понесенных ею утрат до 50 тысяч человек, данных запасов могло хватить лишь на несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.